

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ЧУВСТВА ЛИЧНОСТИ

© 2017 г.К.А. Абульханова^{1*}

**ФГБУН Институт психологии РАН (Москва)*

Почтовый адрес: г. Москва, 128456, ул. Ярославская, д. 13, Россия

Аннотация. Чувства рассматриваются как принадлежащие личности, в связи с ее отношениями к другому человеку, жизни, обществу. Обосновывается их роль в психической жизни человека как регулятора его поведения, деятельности. Раскрывается понимание С.Л. Рубинштейном мировоззренческих чувств, дается их описание.

Ключевые слова: С.Л. Рубинштейн, эмоции, чувства, мировоззренческие чувства, личность, совесть, вера, ответственность, отношение к другому человеку, обществу

С разными эпитетами, в разных контекстах, начиная от философского, вечного, включая идеальное и возвышенное, заканчивая преходящим и «ускоренным» в *психологии* и бытии поколений и народов, рассматривались *чувства*. Они дифференцировались друг от друга как добрые и злые, пассивные и деятельные, так или иначе подразумевая своим истоком человеческую *душу*. Но если душа и являлась их связующим звеном, то тот, кому принадлежала душа, все же продолжал оставаться в тени.

Традиционно чувства рассматривались то изолированно, то попарно, то как противоположные или даже противоречащие друг другу (любовь/ненависть, гордость/унижение и т.д.), то иерархически – как высшие, или неземные, позитивные, или негативные, и т.д. Но при всей глубине уже осуществленного в философии и психологии раскрытия или описания их особенностей они оставались вне контекста основания, которое позволило бы выявить единство в их разнообразии.

¹Академик РАО, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института психологии РАН.

Именно эту задачу и решил С.Л. Рубинштейн. Он раскрыл особенности чувств не самих по себе и не в их умозрительном смысле, а как принадлежащие личности, в связи с ее отношениями к другому человеку, к жизни, к обществу. При этом он возражал, что только *одно из чувств* должно рассматриваться как ведущее, как обобщенное отношение к жизни. «Каждое из этих чувств в отдельности, выступающее как обобщенное отношение к жизни (Gesamtgefühl), не оправдывает себя, – писал он, – вопрос о преобладании того или иного чувства должен решаться конкретно, применительно к конкретным историческим и личным ситуациям». И далее: «Отсюда очевидна также неправомерность поисков обобщенного чувства (Gesamtgefühl), в котором все слито и якобы синтезировано (юмор у Х. Гейдингга), неправомерность генерализации чувств» (Рубинштейн, 1997, с. 80). Главным же явилось определение С.Л. Рубинштейном чувств как выражения отношений *личности* к действительности. Он определил *личность* как обладателя потрясающей способности – радоваться и страдать, любить и верить, по-своему неповторимо переживать все, происходящее с ней в жизни. Иными словами, при определении чувств еще в «Основах психологии» (1935) и затем в «Основах общей психологии» (1940; 1946) Рубинштейн отправляется не от *чувств*, пытаясь выделить главное из них, а от *личности*. Причем, личность как основание, источник «чувств» он рассматривает и в ее природно-эмоциональных особенностях, и в деятельности, и в ее отношении к другим людям и обществу. Если эмоции более связаны с природными особенностями человека, то чувства – с характером, волей, мышлением и другими качествами личности.

Особенности характерологических *свойств личности* проявляются, по Рубинштейну, «в отношении к самому себе, воплощающем ряд чувств. К ним относятся: самообладание, чувство собственного достоинства, скромность, правильная или неправильная, преувеличенная или преуменьшенная самооценка, уверенность в себе или мнительность, самолюбие, самомнение,

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. (2017. Том1 № 2) гордость, обидчивость, тщеславие и т.д.» (цит. по: Славская, 2015, с. 123). Еще в дискуссии со своим учителем Г. Когеном С.Л. Рубинштейн настаивал на том, что право в целом и права личности – это не чисто юридические нормы, но, прежде всего, этические чувства – совести, долга, вины и стыда, любви и уважения к близким и дальним.

Уже в 1935 году в своей первой психологической монографии «Основы психологии» С.Л. Рубинштейн определяет предмет психологии как единство знаний и *переживаний*. Исследуя первоначально связь психики, сознания с деятельностью (1935), он выявляет переживания, сопутствующие деятельности. И если в первом издании «Основ психологии» (1935) при анализе детской игры он подчеркивает лишь одно переживание – *удовольствие* ее результатом – то в следующих изданиях он пишет уже о *многообразии* переживаний (цит. по: Славская, 2015, с. 224), а чувство удовольствия от деятельности, в одних случаях связывает с достижением результата, а в других – с самим ходом деятельности (там же, с. 201).

Глубокой жизненной достоверностью и художественной тонкостью, музыкальной мелодичностью исполнен раздел «Основ психологии», посвященный душевным чувствам как более высокому по отношению к *эмоциональности* уровню.

К еще более высокому общественному уровню Рубинштейн относит *духовные чувства*, которые связаны и с *общественным образом жизни* нравственного человека, и с *отношениями людей*, и с *жизненным путем личности*. В этой связи Рубинштейн ссылается на марксово определение *духовных чувств как человеческих и человечесных*.

Рассматривая разные *виды чувств*, определяемые характером *объекта* (предмета, человека, ситуации, самой жизни), Рубинштейн тонко дифференцирует способы самовыражения субъекта в эстетических чувствах, чувствах комического, юморе, иронии, сарказме, а также в чувствах

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. (2017. Том1 № 2)

страдания, печали. Таким образом, всесторонне анализируя качества и отношения личности, с которыми связаны ее жизненные чувства, он далее выходит к чувствам *высшего* уровня, которые обобщенно обозначает как духовные, этические, эстетические. Преодолевая ограниченность своих предшественников в их поиске обобщающего главного чувства и, одновременно, выбрав в этом качестве *одного* чувства, С.Л. Рубинштейн представил в этом качестве *совокупность чувств*. Согласно мысли Рубинштейна, эпитетом «*мировоззренческие*» раскрывается переживание личностью своего бытия *вмире*. В своем последнем труде «Человек и мир» он назвал чувства личности *мировоззренческими* (Рубинштейн, 1976).

Понятие «мировоззрение» общепринято определяется как некая историческая или индивидуально-личностная концепция мира, своего рода ее идеология. Рубинштейн использовал данное понятие для характеристики чувств, только для того, чтобы подчеркнуть их *возвышенный уровень*, особое качество по отношению к изученным в психологии уровням – эмоциям, чувствам, которые в классической психологии к сожалению, исследовались и определялись, по существу, вне их *личностного основания*. Они выражают характер человеческих отношений и этичность самой жизни личности (Историогенез и современное состояние российского менталитета..., 2016, с. 133).

В общей проблеме детерминации человека *мировоззренческие чувства* выступают как внутренние условия, включенные в общий эффект, определяемый закономерным соотношением внешних и внутренних условий.

Исторически осмысление сущности и определение эстетических, этических и особенно духовных чувств связывалось с философией жизни, экзистенциализмом, с идеалами западноевропейского *гуманизма*, с его принципами свободы, совершенства и блага. В российском мировоззрении основой русской идеи, согласно Н.А. Бердяеву, всегда был *человек*. «Для Достоевского в центре стоял человек», – писал он, не забывая, что его

эпитетами были также и, прежде всего, «униженные и оскорбленные». «Для Толстого, – продолжал он, – человек был лишь частью космической жизни. Человек должен слиться с божественной природой» (Бердяев, 1998, с. 181). Итак, согласно Бердяеву, человек в России – это и «униженные, и оскорбленные», и, одновременно, часть космической жизни и проявление божественной природы. Российская идея человека отличалась от западных ценностей гуманизма. Она *не утверждала его блага*, а разветвлялась на определении множественности граней его бытия, вершиной которого была «укорененная» в душе *вера* в Бога, а «бездной» – нищета и убожество жизни. Но народ как реальность *бытия человека* не возводился философски в России до уровня идеи, категории человека. Можно сказать, что если европейская мысль поднимала человеческое *благо на вершину*, обещая лучшее – свободу, справедливость, добро (не забывая, однако, что при этом существует и зло Ф. Ницше), то *российская идея* человека была тесно связана с *религией*, для которой вершиной всегда был *Господь*, внизу – народ, над ним – власть.

Одним из глубочайших чувств, присущих российскому менталитету, было чувство *веры*. Вера связывала земное бытие человека с божественной волей *Вседержителя*. Она была и «вертикалью» жизни, устремленностью души и духа к возвышенному, и «горизонталью» в жизни, пронизывающей душу *смирением*. Она оставалась верой в справедливость при всей несправедливости реальной жизни, ее жестокости, попирающей все существующие религиозные нравственные каноны бытия, верой в добро и верой в ближнего.

В последнем своем труде СЛ. Рубинштейн поставил как исходную философскую проблему – проблему *человека и его места в мире*. Именно в соответствии с этим философским контекстом *чувства* человека были им названы мировоззренческими. Это подразумевало, что их основой являются *отношения* человека с миром, который создан им, и который, в свою очередь, его объективно детерминирует, ему объективно *противостоит*.

Из этого следует противоречивость как основная особенность бытия человека. Введя в философию категорию человека, Рубинштейн поставил ее как проблему – чтобы оказалось возможно, идя от целого, раскрыть многообразие качеств бытия человека: все его способности, уровни и противоречия. Тем самым основная проблема *противоречий жизни*, которая игнорировалась философской мыслью в силу ее бесконечного многообразия, «приземленности», эмпиричности, не поддаваясь философскому обобщению, была представлена как проблема *противоречий во взаимоотношениях* человека с миром, которые являются *исходными* для объяснения и противоречий жизни, и противоречий отношений людей, и противоречий внутреннего мира самого человека.

Жизнь, которая является способом бытия *личности*, оказалась таким образом философски и методологически поднятой на более высокий философский уровень отношений человека с миром (в котором осуществляется жизнь личности). Мир предстал не как отчужденный от человека объект, но как обнимающий, охватывающий, пронизывающий жизнь личности, ее сознание, деятельность, отношения и вызывающий ее чувства. Мир, согласно Рубинштейну, – это не только объекты деятельности и познания человека, но и мир созданной им культуры, науки, искусства и, одновременно, тех *способов связей людей*, которые им удастся установить на каждом этапе истории и зафиксировать в форме социума.

Это дало возможность определить личность не просто как «совокупность общественных отношений» (как ее определял исторический материализм), но и как *осуществляющую* посредством своих способностей, сознания и деятельности *свой* жизненный путь, который, в свою очередь, включается в конкретный социум (на период которого приходится ее жизнь). Ее сознание, будучи ее личной способностью, имеет свои корни в *менталитете*, который определяет его изначально (подобно архетипам К.Г. Юнга), а затем развивается по мере развития личности – через воспитание,

деятельность, общение, включение в разные общности (семью, сверстников, образовательные, профессиональные и общественные сообщества и т.д.).

Личность, строя свой жизненный путь и, одновременно, в нем самореализуясь, *подчиняется или противостоит* конкретным законам, нормам, идеологии и требованиям существующего социума. Однако она впитывает и общечеловеческие ценности, которые могут стать основанием ее *человечности*, ее духа, души. Эти ценности, воплощая в себе путь развития человечности в истории общества, вопреки всем препятствиям, возникающим в отношениях людей каждого *нового социума*, новой системы организации общества, воспринимаются *мировоззренческими* чувствами личности. И только после того, как в самой психологии осуществилось «признание» *личности* как системообразующей, по выражению Б.Ф. Ломова, всей психической организации, а в философии – *человека*, открылись подступы к *основаниям* происхождения *высших человеческих чувств* в отношениях человека с миром – в философии и отношениях и взаимоотношениях личности с другими людьми, собственной жизнью и социумом в целом – в психологии.

В силу данного С.Л. Рубинштейном определения и человека (на философском уровне), и личности (на психологическом уровне) открылась возможность связать чувства не только с *человечностью, благом и добром* во всех перечисленных отношениях, но с их изначальной – в силу соотношения, столкновения, сопротивления разных детерминант в бытии человека и в жизни личности – *противоречивостью*. Обобщая разнообразие всех чувств (объединенных у каждой личности в особое сочетание), он обозначил их противоречивость словосочетанием понятий «*оптимистическая трагедия*»².

В этом определении он осуществил целый ряд преобразований известных в культуре, в этике и эстетике философских понятий. Во-первых,

² Не желая присваивать себе авторство этого определения, на первый взгляд, не сочетающихся друг с другом, несовместимых понятий и чувств, Рубинштейн ссылается на пьесу В. Вишневского, название которой именно таково – «Оптимистическая трагедия».

принципиально изменено содержание словосочетания противоположностей оптимизм/пессимизм. С.Л. Рубинштейн заменяет «пессимизм», как обозначение пассивного отношения, понятием «трагедия», «трагическое», несущих в себе обозначение и переживание противоречия и активное отношение человека к последнему. Во-вторых, он соединяет традиционно философски несовместимое.

На первый взгляд, «оптимистическая трагедия» может быть сопоставлена с словосочетанием, центральным для этики, которое рассматривает противоречие *добра и зла*. Но перечень чувств, которые С.Л. Рубинштейн называет мировоззренческими, далеко выходит за пределы этики и этических, нравственных чувств. Само понимание этики отличается у него от ее узкой трактовки как морали, морализирования. К мировоззренческим С.Л. Рубинштейн относит и чувства личности, изучаемые психологией, и *религиозные* чувства. Понятие оптимизма никак не может быть отождествлено с понятием «добро», а трагедия, трагическое – с понятием «зло». Трагична *борьба* добра со злом. Со времен греческой трагедии она предполагала, как раз, борьбу, столкновение добра со злом, их противоречие. И – главное – понятийным словосочетанием «*оптимистическая трагедия*» С.Л. Рубинштейн, разумеется, зная и имплицитно учитывая всю историческую этическую нагрузку этих понятий, *обобщает реальную российскую действительность* своего *трагического века*.

Оптимистическая трагедия относится, таким образом, и к уровню философского определения бытия человека и его чувств к миру, и к психологическому уровню – мировоззренческих чувств личности в ее бытии – в собственной жизни, в семье, в отношении «к ближнему и дальнему» и к социальному уровню – к противоречивости социума, на который приходится ее
жизнь.

В каких еще контекстах принято определение понятия *трагического*?

Со времен античности понятие «греческая трагедия» обозначало воспроизведение в искусстве (в основном в театре) столкновения сил *добра и зла* и своеобразную *неизбежность* этого противоречия. Позднее оно стало употребляться в более узком по отношению к философской интерпретации значении – для обозначения в культуре, в искусстве определенного жанра художественных произведений. В обыденной жизни понятие трагического употреблялось для обозначения трагичности судьбы, неизбежности, смерти, в художественной литературе – для характеристики судьбы героев («его жизнь оборвалась трагически», «ее жизнь стала настоящей драмой» и т.д.).

С.Л. Рубинштейн употребляет все эти понятия менее конкретно, более обобщенно – в контексте обозначения «юмористического», «комического», «иронического», «трагического» относительно жизни человека. «Объективным основанием таких мировоззренческих чувств, – пишет он, – является сама жизнь человека как *трагедия, драма* или *комедия*. Основой трагического отношения человека к жизни является отношение человека к трагическому как к существующему *объективно*. Трагическое, юмористическое и т.д. отношение к жизни, чтобы быть адекватным, должно основываться на соответствующей характеристике самой жизни» (курсив мой – К.А.) (Рубинштейн, 1997, с. 80). Далее он пишет: «Трагическое имеет место, когда к неизбежной гибели идет что-то хорошее и прекрасное, когда к добру как к осознанной цели приходится в силу независимых от человека обстоятельств идти через зло. Трагизм возникает там, где что-то хорошее и прекрасное вовлекается жизнью в пагубный для человека конфликт. В жизни имеет место и трагическое, и комическое, торжествует в ней то добро, то зло. Все дело заключается в том, чтобы выделить объективное отношение разных людей к одной и той же ситуации, в зависимости от того, какое начало видит, как преобладающее в ней, и вносит входящий в нее человек» (там же).

Общепринято соотнесение понятий оптимистического с пессимистическим как противоположностей. Чрезвычайно важно, что С.Л.

Рубинштейн заменяет понятие «пессимистическое», являющееся синонимом упадка, уныния и бессилия, понятием трагического³. Из приведенного выше определения последнего очевидно, что понятие трагического несет в себе сочетание и *силы*, и *страдания*, т.е. обозначает имплицитно (подразумевает) силу человека, не *только созерцающего* противоречия добра и зла, но *идущего через это* противоречие, *преодолевающего* его. «Страдание, – пишет С.Л. Рубинштейн, – выступает и как *уничтожение*, когда разрушается то, что вызывает желание, и, напротив, как факт мобилизации *душевных сил*» (Рубинштейн, 1997, с. 93). Следуя своему принципу рассмотрения чувств в их взаимосвязи, он продолжает, выявляя грань *страдания*, ведущую к чувству совсем иного характера: «страдание как унижение или как мелочность, желание себя от всего обезопасить, оградить, застраховать, себе что-то выговорить. Это и есть, по существу, внутреннее, скрытое отсутствие *доверия* к другим людям, к обстоятельствам и ходу жизни, которое означает, в конечном счете, недоверие к самому себе, неверие в собственные силы» (там же, с. 93).

Здесь проявляется диалектика даже в определении *одного и того же* чувства – выявление его прямо противоположных качеств, уровней переживания, его смыслов⁴.

Эта диалектика непосредственно связана с ходом жизни и характером самой личности. «В этом смысле, – пишет С.Л. Рубинштейн, – превратности судьбы, жизненные передрыги, когда что-то грозит помешать основному в ней, выступают как *факторы мобилизации душевных сил*. Здесь внутренне оцениваются масштабы *угроз* и то, что и чему угрожает... Но кроме этого существуют такие категории, как “размах”, “диапазон” жизни, ее

³В.С. Агапов в разработанной им «Я-концепции» личности, однако, справедливо отмечает, что в таких чувствах, как страдания, которые относятся традиционно к пессимистическим, заключается не только бессильное переживание личности, но и определенный активный залог, чем конкретно поддерживает позицию С.Л. Рубинштейна (Агапов, 2011).

⁴Обстоятельства жизни при этом выступают как путь осознания истинных масштабов того, за что мы боремся в жизни.

“интенсивность” и “глубина”, “душевная щедрость” самой личности. Таким образом, возможны разные уровни страдания» (там же, с. 95).

За этим преобразованием понятия пессимистического в трагическое скрыт ответ еще на очень существенный вопрос: все ли чувства личности Рубинштейн отнес к мировоззренческим, и исключил ли он пессимистическое вообще? Очевидно, что *пессимистическое* – это пассивность чувств. Оно обобщает целую гамму чувств человека – *страх, обида, вина, стыд* и др. Представляется, что гипотетическим ответом на эти вопросы является очень глубокая фраза С.Л. Рубинштейна о двух переживаемых личностью *качествах жизни*, обобщая которые личность осознает и переживает «все содеянное и *упущенное*» (там же, с. 79). Эти чувства, возможно, выражают и обиду за несостоявшееся в жизни, и стыд, или вину, за несправедливо содеянное. Можно сказать, что эти чувства человек испытывает скорее по отношению к *прошлому*, что и означает упущенное в жизни, чего уже нельзя *поправить*. Поэтому вышеперечисленные чувства также являются мировоззренческими, связанными с неудовлетворенностью жизнью (если только не рассматривать их ситуативно, как мелочные в отношениях людей). Мировоззренческие чувства – не категоричны.

Если жизнь еще не оборвана смертью, и есть возможность нечто поправить, изменить к лучшему, то это зависит от того, в каком соотношении в жизни человека оказываются значимые для него обстоятельства, поскольку во времени жизни выступают на первый план то одни, то другие (более или менее существенные) переживания. «Например, когда ставится под угрозу все (смерть на войне) или самое дорогое и важное, тогда чувствуешь ничтожество того, – пишет С.Л. Рубинштейн, – что прежде, когда более важное не подвергалось угрозе, риску, тоже казалось важным и даже стояло на переднем плане» (там же, с. 93). В этом отношении чрезвычайно важны исследования А.О. Прохоровым *переживаний* в связи со *временем* жизни, ее *изменениями*. Слабость («упал духом»), растерянность, неуверенность и

подобные им (в настоящее время часто встречающиеся близкие к депрессивным) переживания могут проявляться *ситуативно* или длительно, даже постоянно.

Таким образом, мировоззренческие чувства (и каждое из них в отдельности) не могут быть охарактеризованы абстрактно, поскольку выражают *смену* существенного и обыденного в жизни, масштаб угроз и потерь, а также способность самой личности управлять своими чувствами («держать себя в руках»). Благодаря зрелому размышлению, личность преодолевает обиду, если она не затрагивает ее достоинства, ее близких, ее ценностей. Но бывает, что одно слово приводит к острой эмоциональной реакции и полному разрыву отношений. Однако очевидно, что не всеми чувствами человек может «управлять»: нельзя заставить себя полюбить; не в наших силах вернуть утраченную надежду или веру в обманувшего человека. Известна борьба разума и чувства.

В определенной степени чувства предоставляют человеку *свободу* – не в смысле «стихии чувств», а обеспечивая ему неподвластность социальному влиянию и давлению, которые порождают чувства, выражающие отрицание им этих обстоятельств жизни.

Учет *иерархии* жизненных ценностей и их преобразования во времени жизни позволяет понять смену активных и пассивных чувств, их силу и роль в ходе жизни и влияние на личность. Иными словами, чувства личности влияют на ее жизнь, а последняя – на чувства личности.

Если мысль человека, особенно научная, выделяет существенное как характеризующее устойчивые обстоятельства, причины, то чувства, будучи, одновременно, *определенными*, релевантны *изменчивости* жизни и потому выделяют существенное для личности относительно данного времени или совокупности данных обстоятельств жизни.

Психологические исследования так называемого «совладающего» поведения (И.А. Джидарьян, Т.Л. Крюкова и др.) обнаружили, что оно имеет своим источником такой комплекс чувств и характеристик личности, которые обеспечивают ее способность на *сопротивление* и *противостояние* (сегодня оно определяется словосочетанием «держать удар»). Обобщенно это чувство *мужества*, воплощающее *силу* личности, ее способность к преодолению трудностей жизни, разрешению жизненных противоречий, умению идти им навстречу и поступать *вопреки*.

Выше говорилось о страдании как состоянии или чувстве личности. Это чувство имеет «архетипическое» происхождение, свойственное менталитету русского народа в силу трагичности его истории. Но в этом чувстве заключена способность не только *терпеть* страдания, но и *выстаивать*, выдерживать их. Российское сердце и характер исторически нацелены на *преодоление*. Это преодоление, способность справиться «*своими силами*» заложены в совершенно особом чувстве ответственности и *удовлетворенности* российской личности. Поэтому кажущееся сугубо современным явление «совладающего поведения» в России на самом деле имеет глубокие исторические корни.

Но *мужество*, как *сила* противостояния трудностям жизни, препятствиям самореализации, негативным отношениям к личности, не имеет по своей онтологической сущности ничего общего с чувствами *гнева*, *злости*, *ненависти* людей, связанными с их враждой. Эти «межличностные» чувства древни, как само человечество, воевавшее за земли, источники существования, власть, за свою веру (вероисповедание, религию), за выживание. Но сегодня они, как пожар, все сильнее охватывают человечество. К сожалению, XXвек в убийствах и насилии наглядно обнаружил и проявил порожденную самим человечеством *бесчеловечность*.

На уровне личности этот спектр чувств может иметь ситуативный характер, связанный с *конфликтом* интересов, жизненными позициями и т.д.

Но если данные чувства приближаются по своей силе, глубине и устойчивости к чертам характера, то можно сказать, что они, напротив, способствуют *объединению* с людьми такого же склада – жестоких, воинственных, конфликтных. Эти чувства характеризуют несовершенство развития человечества. Чувства *гнева, злобы, ненависти*, связанные с враждой людей (проявляющиеся не только в личной жизни, но носящие и социальный характер), могут быть обобщенно обозначены как «зло» в жизни человечества. Указанные чувства выражают негативную сторону в противоречии *добра и зла* и могут быть отнесены к мировоззренческим, являясь одной из важных конкретизаций понятия зла как психологических явлений (чувств личности), в отличие от проявлений зла в жизни человека в виде объективных обстоятельств (трагические события, природные бедствия и т.д.). Они расширяют пространство понимания противоречий человеческой жизни, идущих со стороны различных социумов.

Согласно Рубинштейну, «этика рассматривает человека и за пределами общественных отношений, борьбы классов, производственных отношений и т.д.» (Рубинштейн, 1997, с. 90). Проблема мировоззренческих чувств охватывает этические чувства (ценности и т.д.), но выходит за пределы этики. «Выход этики за сферу общественных отношений и т.д., – пишет С.Л. Рубинштейн, – расширяя ее понятия в связи с мировоззренческими чувствами, – должен произойти в *двух направлениях*: 1) отношения человека к *миру*; 2) отношения человека к другому человеку, более конкретные и человеческие, чем отношения к нему как к представителю класса, вообще, как к носителю определенной общественной функции» (там же, с. 103).

Выдвигая проблему «оптимистической трагедии» и мировоззренческих чувств как ее конкретизации и способов ее переживания, выдерживания и преодоления, С.Л. Рубинштейн расширяет этические проблемы в двух направлениях: критическом и позитивном. Его *критика* сформулирована как проблема соотношения «*этики и политики*». Под последней он

подразумевает и *реальность* современной ему организации общества (социума), деформирующей личность, и марксистскую *концепцию* человека, сведенную впоследствии к общественным и производственным отношениям (социально-экономическая теория Маркса), и выросший на этой почве советский тоталитаризм⁵.

В определении трагедии как оптимистической осуществляется расширение представлений о жизни личности, вытекающее из постановки философской проблемы Человека и Мира. Жизнь личности, согласно С.Л. Рубинштейну, не сводится к его общественной функции, «маске». Она включает и отношение личности как «природного существа к природному существу», и «первую, самую естественную и теплую его непосредственную связь с миром, с его жизнью» (там же). Первое и есть *любовь* человека к человеку, любовь к жизни. Чувство любви, на наш взгляд, очень глубоко раскрыто Э. Фроммом (хотя он рассматривает его в другом контексте, чем С.Л. Рубинштейн – в соотношении жизни и смерти) (Фромм, 1998). «Она находит свое выражение скорее в поведении, чем в идеях, – пишет он, – скорее в интонации голоса, чем в словах» (там же, с. 62). «Теплые, преисполненные любви контакты с людьми в период детства.– продолжает Фромм, – ...оживленный обмен с другими людьми и обустройство жизни,

⁵Критика Маркса ведется С.Л. Рубинштейном и на *философском*, и на *социально-философском* уровнях (первый выражен так: «То, как (курсив мой – К.А.) Маркс преодолел антропологизм Фейербаха, в собственном смысле еще заострило и сузило его [антропологизм Фейербаха –К.А.], поскольку сам человек был сведен к специфическому, общественному человеку в нем. Сначала природа была сведена к человеку, а затем из человека была вытравлена его природа. Гуманизм –антропологизм марксизма – не только плюс, но и минус марксизма» (Рубинштейн, 1997, с. 103). На *социально-философском* уровне С.Л. Рубинштейн фактически критикует последствия «социализации» человека и его конкретного бытия как личности. Он пишет: «...превращение... понятийной характеристики человека в определенной системе отношений [общественных – К.А.] в сущность человека – это *ошибка марксизма*. Это разрушает природное в человеке и его природные связи с Миром и, тем самым, то содержание его *духовной, душевной* жизни, которое выражает его *субъективное отношение*, отражающее эту его природную связь с миром и людьми» (там же, с. 104). Мы обращаемся к этим философским положениям С.Л. Рубинштейна, поскольку именно они выражают тот контекст, в котором может быть раскрыт смысл и содержание *мировоззренческих чувств*. Это оказалось возможно только *после* публикации *третьего* издания труда «Человек и Мир» 1997 года, в котором (в отличие от первого – 1973 года и второго – 1976 годов изданий) был *впервые* включен раздел шестой «Этика и политика»: 1 Мое отношение к нашему обществу, к нашему строю (с. 101–104) и 2. Об «истмате» и революции (мое отношение) (с. 105–107). Таким образом, публикация раздела, выражающего отношение С.Л. Рубинштейна к марксизму, социализму, тоталитаризму, неммыслимое в 70-х годах, стало реальностью фактически только через четверть века (см. *Рубинштейн*, 1997. С. 136).

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. (2017. Том1 № 2) определяемое подлинными интересами... Если говорить о любви к жизни, то должна иметь место “свобода для чего-то”, свобода созидать и строить, удивляться и на что-то отваживаться» (там же, с. 62–63).

Любовь в российском менталитете была жизненным, *земным* чувством. Она олицетворяла любовь к своей Кормилице-земле, к ее необъятным просторам и прекрасной природе: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и богатая, ты и бессильная, матушка-Русь», – писал Н.А. Некрасов. Идея противоречивости земного бытия была ближе к российскому сознанию и чувству, чем возвышенный идеал свободы и блага человека. Для С.Л. Рубинштейна в контексте его концепции человека любовь была чувством к другому человеку – и состраданием к его слабостям, и уважением его личности, и доверием к его честности. Она выражала не только свободу личности, но и ее способность усилить своим чувством все лучшее в человеке, отнестись к нему как самому существенному во всем мире. Любовь определяется как чувство не только к ближнему, родному, своему, но и к дальнему, как чувство содружества людей.

Непосредственно связанными с любовью были для русского человека чувства *веры* и *надежды*. Вера и надежда выражали обращение к идеалу, к лучшему, тому, чего *еще нет в жизни*, не произошло (и в этом смысле это были чувствами *интенциональными*).

Основной российскому чувства веры является вера в Бога. И, вместе с тем, отношение к Богу понимается С.Л. Рубинштейном не только как забота о «земном», но и как отношение к вселенной, к природе в ее нерукотворности. Парадоксально, что Рубинштейн, автор первой, ставшей классической в отечественной психологии теории деятельности, пишет следующее: «Пафос делания, переделки хорош как альтернатива все приемлющей пассивности, но *чувство* первозданности, *нерукотворности*, *изначальности* – «несделанное», «несфабрикованное», естественно

сложившееся – выражает положительное *космическое* значение содержания *религиозного мировоззрения* (курсив мой – К.А.)» (Рубинштейн, 1997, с. 104).

В настоящее время проблема религиозного мировоззрения и верований в Бога является дискуссионной. Критическое отношение к ней, с одной стороны, вызвано наследием в сознании идеологии воинствующего атеизма. С другой стороны, подчеркивается несовместимость веры с наукой, требующей объективных доказательств. Однако даже факт смены научных парадигм свидетельствует об относительности истин и абсолютизации их доказательств. Развитие ряда наук, вхождение человека в Космос свидетельствуют о наличии еще непознанного человеком и существующего в отличных от земных формах. А для психологии важна не *проблема доказательства бытия Господа*, а *проблема веры в Него*, поддерживающей человека в его земных испытаниях. Поэтому жесткая критика религиозности при особенно важной поддержке общества церковью, на наш взгляд, является проявлением неоправданной категоричности в ограничении свободы и права вероисповедания. Следует напоминать о победе М.И. Кутузова над французами с иконой Божией матери. И таких примеров множество.

Победа одерживается, когда есть *во что (в кого)* верить, и *что* защищать. А чувства, принадлежащие личности, должны быть ее личным правом и долгом. Одной из тяжелых жизненных потерь является потеря веры в идеал, в справедливость. Даже если они реально отсутствуют в жизни человека, он продолжает верить в них. Извращением человеческой сущности личности является превращение веры в лицемерие, что и является, по Рубинштейну, превращением человека в маску. И сегодня, в переломный период жизни нашего общества, когда уже нет веры ни в коммунизм, ни в капитализм, когда обман и коррупция стали масштабными социальными явлениями, порождающими недоверие или растерянность людей, когда процветает ложь (Знаков, 1997), и жизнь строится по «двойному отсчету» (и

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. (2017. Том1 № 2) даже в речь вошел словооборот «как бы» – то ли это было, то ли и не было), сохранить веру как мировоззренческое чувство, питающее надежду и жизненные силы будь то вера в Господа или будущее – является наиважнейшей задачей психологии как науки (см.: Гостев, 2016, с. 214–215).

Научное исследование психологии людей и внутреннего мира личности предполагает понимание и учет его *душевной* сущности, которая у многих людей связана с верой в Бога (В.Д. Шадриков). Таким образом, вера как этическое чувство и этика в целом охватывают своего рода *идеал*. Отмечая историческую изменчивость этических идеалов, С.Л. Рубинштейн вводит свою оригинальную характеристику идеалов: «Греческая концепция любви (эроса) выступает как стремление *нижнего* к *высшему*, более совершенному», – пишет он. «Августиновское (и Спинозовское) представление предполагает *совпадение* движений *снизу –вверх* и *сверху –вниз*» (Рубинштейн, 1997, с. 91). Ф. Ницше фактически утверждает приоритет высшего – сверхчеловека, также, как и героический энтузиазм Джордано Бруно. Другие этические концепции учитывают в своих определениях не вертикаль, а иные критерии (Л. Толстой). Пуританство проповедует сухость, черствость и безжалостность к людям; эпикурийцы, как известно, напротив, возводят в идеал наслаждение.

Не считая свою концепцию узко этической, С.Л. Рубинштейн утверждает и *величие* человека как *вершину* его духовных и творческих возможностей, и, одновременно,– хрупкость, *малость* человека. Но самым главным – отличающим его антропологию и мировоззренческие чувства (которые он иногда называет этикой в широком смысле слова) от разнообразных этических концепций – является рассмотрение человека *в мире*, а личности – *в жизни*. Жизнь для Рубинштейна не является синонимом житейского, т.е. мелочных забот и тягот, а рассматривается как совокупность достижений и противоречий, решая/не решая которые, личность достигает совершенства, развития или (и это стоит отметить особо) не деградирует, но

реально (согласно марксовской концепции) становится «маской». Это, по существу, означает ее отчуждение от своей сущности, человечности, от своего внутреннего мира, своего «Я», духовности, душевности, чувств, превращение личности в формального исполнителя социальных функций.

В числе личностных потерь оказывается также стержневое активное чувство и качество человека – совесть. Она является не только характеристикой, но и особым «индикатором» всего нравственного склада человека (личности) и потому – *высшим жизненным чувством* личности как *субъекта*. Являясь своеобразным «камертоном» человеческой справедливости, правды и подлинности, совесть осуществляет регуляцию и саморегуляцию отношений с людьми, обществом в целом.

Очевидно, что совесть личности является *индивидуальным* механизмом. Индивидуальные различия в *мере* совестливости людей очень велики. Не говоря о наличии/отсутствии совести вообще, во-первых, у разных личностей совесть остается или сугубо *внутренним* переживанием («муки совести»), не влияющим или влияющим на поведение или отдельный поступок, или, как сказано выше, характеризует личность в ее способе жизни. Второе различие – в «пробуждении» совести *до* или *после* содеянного. В последнем случае хорошо, если остается хоть чувство раскаяния. Третье различие – в ее связи *со знанием*: в одних случаях совесть *удерживает* от несправедливого сознанием последствий, в других – человек сознательно «взвешивает», будет (или было) содеянное *по совести*. Последнее охватывает множество «ущербов», «выгод», рисков в отношениях и взаимоотношениях людей, регулируя, как поступки личности, так и взаимоотношения с другими ⁶. Однако совесть зависит не только непосредственно от уровня нравственности личности, но от ее самооценки, самоуважения, достоинства.

⁶Понятие «риски» вошло в современную жизнь, предполагая сложную детерминацию поведения, когда последствия поступков (действий) неопределенны или ведут к потерям, наносят ущерб для действующего.

Неподлинность своей жизни переживается личностью в чувствах страха, обиды, зависти, а также *больного самолюбия* (А.И. Донцов, 2017). Эти чувства тесно связаны с теми чертами характера личности, которые проявляются по отношению к окружающему миру, другим людям и жизни в целом, но не являются мировоззренческими. Противоположностью больному самолюбию, обидчивости являются, с одной стороны, *тщеславие, честолюбие* – чувства, преувеличивающие свои достоинства в глазах окружающих. Другой спектр чувств – *чувство собственного достоинства, уверенности, удовлетворенность* (своими достижениями, жизнью в целом) и т.д. связаны с «Я» личности, ее концепцией (Агапов, 2011). А *гордость* – это мировоззренческое чувство, охватывающее множество отношений: гордость и за свою Родину, и за любые достижения, способствующие общественному прогрессу, развитию культуры.

К спектру чувств, связанных не столько с характером личности, сколько именно с ее отношениями к людям, жизни, событиям, С.Л. Рубинштейн отнес такие чувства, как *юмор и ирония*. Важно отметить, что эти чувства не относятся ни к трагическим, ни к оптимистическим, но являются выражением отношения личности к несоответствиям. Они не являются нравственными, этическими чувствами, но расширяют наши представления о богатстве, тонкости и многогранности чувств человека.

Ирония может быть доведена до *цинизма*, т.е. до отрицания, презрения другого человека, его поступков и слов или даже жизни в целом с позиции своего превосходства. Ее «жало» заключается в том, что это отрицание, критика не имеют характера прямого, честного, открытого осуждения. Последнее содержит в себе это «жало» насмешки, даже издевательства. «Ирония и юмор – это отношение не к непосредственно к смешному, а к соотношению добра и зла, возвышенного и низменного или, точнее, ко второму члену этого соотношения с позиций или на основе первого», – пишет Рубинштейн (Рубинштейн, 1997, с. 83). «Ирония противопоставляет

одно другому, судит с позиций возвышенного идеала все, что ему не отвечает; юмор разрешает, примиряет эти противоречия, избирает положительное начало как основу их примирения» (там же). Так Рубинштейн выделяет основу их различия. «Разное понимание этого соотношения или разное соотношение их в действительности вызывает юмор или иронию, в чем и заключается их *объективная* фундированность. Разное в разных случаях соотношение добра и зла по их силе выступает как *объективная* основа, оправдание в одних случаях юмора, в других – иронии» (там же, с. 383).

Хочется воспроизвести своими словами определение *юмора* С.Л. Рубинштейном, как улыбки сильного человека над слабостями другого – любимого человека. Юмор, несомненно, – не только характеристика одаренного, тонкого человека, но и проявление его силы по отношению к «превратностям жизни».

Определяющим отношение к жизни, является *объединение* чувств подобное сочетанию аккордов в мелодию (как в музыкальном произведении), и это объединение либо носит устойчивый, определяющий характер, либо изменяется, образуя новое сочетание в зависимости от изменений жизни.

«Соотношение мировоззренческих чувств, – пишет С.Л. Рубинштейн, – одновременно, и индивидуально, и закономерно, как соотношение красок в палитре большого художника. В разных соотношениях каждое из них приобретает свой оттенок («*valeur*»); возможны разные сочетания разных тонов, но эти соотношения всегда *закономерны*. *Взаимосвязь* всех этих аспектов (юмористического, иронического и трагического отношений), их переход друг в друга отвечает сложности и соотношению всех жизненных противоречий. Лишь определенное соотношение тех или иных цветов эстетически прекрасно; подобно этому, возможно, правомерно разное сочетание мировоззренческих эмоциональных тональностей, больше или меньше *оправданных* применительно к *той или иной* различной исторической

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. (2017. Том1 № 2)

и личной ситуации. Иными словами, лишь определенные соотношения этих мировоззренческих этических чувств оправданы, приемлемы, закономерны как выражение отношения человека к *типическим* ситуациям жизни (там же, с. 81).

Однако *диалектика* определений чувств в концепции Рубинштейна не ограничивается только адекватностью/неадекватностью *соотношения* чувств с противоречиями и обстоятельствами жизни. Отношение человека к жизни не зеркально. Чувства личности способны изменять жизнь.

Оптимизм его концепции при всей трагичности жизни своего народа XX века (революция, тоталитаризм, Великая Отечественная война) и трагичности собственной судьбы был символом *становления* и *развития* человека как объективной закономерности его сущности. Введение человека в философскую концепцию, в эпицентр бытия, которое им создано, было выражением оптимизма онтологической позиции Рубинштейна. Мировоззренческие чувства личности способны изменять к лучшему ее жизнь или возвышать ее над трагичностью последней. Оптимизм – это интеграл возвышающих человека чувств: веры, надежды, любви, совести, ответственности, мужества, которые доказали свою силу в российской истории в реальных победах – над бедностью, врагом, унынием и даже над смертью: «Смертию смерть поправ», как говорится в Писании.

Рубинштейновское определение мировоззренческих чувств как «оптимистической трагедии», которой является сама жизнь, на первый взгляд кажущееся противоречивым, на самом деле глубоко диалектично, так как раскрывает *реальную противоречивость* бытия человека в мире и возможность сохранения своей человечности. Мировоззренческие чувства личности способны изменять к лучшему ее жизнь или возвышать ее над трагичностью последней. И в «совладании» (И.А. Джидарьян, Т.Л. Крюкова) с трудными (или даже трагическими) жизненными ситуациями, и в безответной любви к другому человеку, и в переживании счастья (И.А.

Джидарьян) нет однозначного соответствия чувств и жизненной ситуации или проблемы. Но сила, заключенная в совладании, любви (к человеку, к жизни), даже если они не изменяют объективную «расстановку сил» в жизни (С.Л. Рубинштейн), есть проявление силы духа и души человека, его способности *устоять* в жизни в целом, остаться или стать самим собой, что и является выражением оптимизма.

К числу мировоззренческих чувств относится также любовь, которая обычно в философии понимается как стремление (Sehnsucht) снизу вверх (Scheler, 1902) – любовь к Богу и любовь сверху вниз (Платон, Спиноза, вообще пантеизм, Г.В.Ф. Гегель, А. Шопенгауэр), или как стремление частей единого целого к воссоединению. Согласно С.Л. Рубинштейну, как и все добродетели, любовь может быть «активной» или «пассивной»: любовью-страданием, непротивлением, терпением (Dulden) или любовью-борьбой, рождающей *борьбу со злом*.

Любовь в жизни – воплощение и природных связей (любовь мужчины и женщины, любовь как материнство, приводящее к продолжению человеческого рода), и душевных, духовных чувств мужчины и женщины, и любовное отношение к детям одновременно с их воспитанием (и с их любовью к родителям). Эта любовь – *связующая семьи* – является опытом разрешения противоречий и нахождения согласий; проявлением нежности, заботы, диалектики отношений *равенства* дружбы и *наставничества*, требовательности и поощрений; и – главное – неустанно поддерживаемым очагом радости бытия.

С.Л. Рубинштейн определяет любовь как «*утверждение бытия человека... Свое подлинное человеческое существование человек обретает, поскольку в любви к нему другого человека он начинает существовать для другого человека. Любовь выступает как усиление утверждения человеческого существования данного человека для другого... Быть любимым – это значит быть самым существующим из всего и всех*»

(Рубинштейн, 1997, с. 97). Она *выявляет* и *усиливает* неповторимость данного человека, а самое лучшее, совершенное в нем *умножает*, утверждает. Она «выявляет те стороны, которые не выясняются для других людей в деловых отношениях» (там же, с. 98). Любимый человек становится *более существующим* и для другого и для самого себя. Именно поэтому переживание любви расширяет душу человека, наполняя ее радостью *подлинности* своего бытия. Она *подобна творчеству* – создает бесконечно многое в человеке, давая ему новые *силы* и *переживание счастья*.

О любви написано так много, так ярко, так захватывающе и, подобно С.Л. Рубинштейну, так глубоко, что кажется, нельзя ничего и добавить. Но в контексте нашей проблемы – чувств в жизни человека, хочется сказать и о том, что, строя свою жизнь (посадив свое дерево, построив дом и в нем сотворив своего ребенка), человек *вкладывает* все богатство своих сил и чувств в свои деяния, отношения с людьми, в тот мир, в котором он живет. Но разные люди, в силу особенностей своей судьбы, в разной степени получают «обратную связь», оценивающую их жизненный труд, усилия и их собственную личность. Да, они сами порой переживают *удовлетворенность* как награду. Но чаще это чувство привязано к *делу*, сделанному самим или *социальной оценке* (как «маске», по выражению С.Л. Рубинштейна) = должности, званию и т.д., и лишь немногим дается редкостное удовлетворение, личностное достижение – *стать* или *быть*, или *оставаться самим собой*. Проще говоря, растратив на жизнь все свои способности, силы, чувства, собирается ли это многообразие объективаций в утверждение самую себя в своей сущности? И отвечая на это, далеко не всегда можно дать утвердительный ответ. Только любовь *бескорыстно* дает, дарит человеку это переживание своего «Я».

На противоречивой почве судьбы русского народа возник другой феномен – *ответственность*: и как чувство, и как качество личности. Несомненно, что и до XX века ею обладали отдельные личности, но в своем

совершенно *особом качестве* ответственность возникла именно в XX веке как способ выживания личности в условиях тоталитаризма. Это было уникальным личностным «ответом» или личностным воплощением противоречий советского строя.

К перечисленным Рубинштейном модальностям личности «хочу», «могу», «я сам» прибавилось «надо». Однако, исследуя эмпирически ответственность, мы смогли дать ей собственно психологическое определение как *добровольного* взятия на себя обязательств, как единства необходимости, желания и способности их выполнить «своими силами». Иными словами, в ответственности имплицитно присутствует и инициатива, и саморегуляция, т.е. способность личности *как субъекта* организовать свое дело так, чтобы силы, возможности, резервы, риски заранее учитывались для достижения желаемого результата. Ответственность личности подобна *совести* как способности личности к добровольному *самопринуждению, самоорганизации*, оптимизации своих сил для выполнения взятых на себя обязательств.

Близким к ответственности нравственным качеством личности и высшим проявлением ее *духа* является чувство *долга*. Чтобы выявить существующее у современной российской молодежи студенческого возраста соотношение инициативы (активного мировоззренческого подхода к жизни в целом и ее отдельным проблемам в частности) и ответственности, а также долга перед обществом, «другими», самим собой, автором было проведено исследование (1985, 1989 годы) на студентах Гуманитарного университета, Института молодежи и МГПУ им. Ленина. Выявилось, что у одних выделенных типов присутствовало, прежде всего, *чувство* ответственности, долженствования, напряжения, тревоги и, в конечном итоге, отстаивания своих прав, мнений, жизненной позиции по отношению к себе, «ближним и дальним» – друзьям, родителям, сверстникам (Абульханова, Славская, 2016, с. 147). У других преобладала инициатива, при которой они даже не

предполагали, что им придется отвечать за ее реализацию, т.е. отсутствовала ответственность. У третьих обнаружилась гармоничная связь инициативы и ответственности, позволившая выявить именно тот механизм – *саморегуляцию личности, который и обеспечивает единство инициативности и ответственности*. Удалось доказать, что, невзирая на различный «удельный вес» той или иной компоненты, а в большинстве случаев противоречивым образом «сосуществующих» в едином целом, тем не менее именно эти особенности составляют основу этического, нравственного отношения к миру личности как субъекта.

Рассматривая это ранее проведенное исследование как эмпирическое доказательство вышеперечисленных теоретических определений чувств, мы можем на их основе добавить некоторые звенья в эти определения. Хотя *саморегуляция* была выявлена в исследовании как механизм связи инициативы и ответственности, это понятие может быть использовано и для уточнения некоторых определений *мировоззренческих чувств*. Так, *совесть* есть нравственная *саморегуляция* взаимоотношений с людьми. *Ответственность* – высший личностный способ *саморегуляции* своих отношений к делу, к людям, к жизни.

Перечисленные чувства являются и реализацией высших качеств личности *в ее жизни*. Представляется, что любовь, вера и совесть выражают *человечность* личности, но присущи не всем. Все перечисленные чувства являются *действенными*. Главным же выводом является значимость выявленной нами опосредующей соотношение инициативы и ответственности *саморегуляции* личности. Авторство исследования саморегуляции как *психологического* механизма принадлежит О.А. Конопкину и руководимой им лаборатории. Связь саморегуляции с совестью состоит в том, что это чувство как раз и есть способность личности *самой* вводить критерии, нравственные оценки, решаясь на поступки и отношения к людям. В этой способности (чувстве) воплощается ее качество *субъекта*.

Ответственность – это также способность человека *самому* брать на себя нечто, мобилизовать и соразмерять свои силы для реализации взятых обязательств и отвечать за содеянное (перед собой и другими). Это также достигается личностной *саморегуляцией*.

И сравнивая с удачным названием, данным К. Марксом, органам чувств – *теоретики*, мы по аналогии большинство мировоззренческих чувств назвали бы духовными *деятелями* личности. И именно их активность обеспечивает внутренний потенциал человека, его жизнеутверждающую силу, способность сохранить человечность в бесчеловечную эпоху и вносить в жизнь людей добро, подлинность и мужество. В этом личность и проявляет себя как субъект. Это фундаментальное положение С.Л. Рубинштейна все более становится общепризнанным. «Когда в конце 80-х гг. международное философское сообщество на конгрессе в г. Брайтоне объявило о “смерти субъекта”, оказалось, что в России “субъект жив”. Именно в отечественной психологии мы наблюдаем сегодня расцвет и торжество этой гуманистической категории. Во многом это связано с творческим наследием замечательного ученого и человека Сергея Леонидовича Рубинштейна. Он не просто провозглашал идею субъекта, а связывал ее с осмыслением тоталитаризма, спрашивал, не “что делать?”, а *как* (курсив наш – К.А.) остаться человечным в бесчеловечных условиях?». Такая оценка идей С.Л. Рубинштейна дается в авторитетном издании «Выдающиеся психологи Москвы» в статье «Сергей Леонидович Рубинштейн – лидер теоретической психологии» (Выдающиеся психологи Москвы, 1977, с. 330).

Рубинштейновская трактовка категории «субъект» начала обнаруживать «все новое философское методологическое и конкретно-научное значение уже после его смерти, что произошло благодаря появившимся в философии, этике, психологии работам, раскрывающим гносеологический, нравственный и другие аспекты самой категории субъекта. Рубинштейном была открыта *перспектива* (курсив мой – К.А.) для

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. (2017. Том1 № 2)
конкретизации значения этой категории в каждой из гуманитарных наук, а тем самым заложена основа дифференциации и интеграции гуманитарного знания» (там же). Эти слова, так тонко, глубоко и объективно оценивающие вклад Сергея Леонидовича Рубинштейна в отечественную философию и психологию и отмечающие перспективу развития его концепции, принадлежат не только самому значительному представителю школы С.Л. Рубинштейна Михаилу Григорьевичу Ярошевскому, но и Виталию Владимировичу Рубцову, руководителю созданного еще до революции Психологического института РАО, сохранившего психологическую исследовательскую культуру более века. Это свидетельство того, что психологи сохраняют и ценят солидарность в науке, и залог того, что объединенными усилиями они обеспечат действенную роль своей науки в оптимистической трагедии наступившего века.

Литература

Абульханова-Славская К.А. Стратегия человеческой жизни. М., 1991.

Абульханова К.А. Рубинштейн – ретроспектива и перспектива // Проблемы субъекта в психологической науке. М., 2000. С. 13–27.

Абульханова К.А. Способности сознания личности как субъекта жизни // Мир психологии. 2006. № 2. С. 80–94.

Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М., 1989.

Абульханова К.А., Славская А.Н. Проблемы методологии науки и философской антропологии в контексте парадигмы субъекта С.Л. Рубинштейна // Философия не кончается... Из истории отечественной философии XX в.: В 2-х кн. Кн. II / Гл. ред. серии В.А. Лекторский. М., 1998. С. 328–352.

Абульханова К.А., Славская А.Н. Менталитет и правовое сознание

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. (2017. Том1 № 2)
русской личности // Историогенез и современное состояние русского
менталитета. Вып. 2 / Под ред. А.Л. Журавлева, В.А. Кольцевой, Е.Н.
Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 125–170.

Аганов В.С. Фундаментальные идеи С.Л. Рубинштейна в исследованиях
самосознания и Я-концепции субъекта // Философско-психологическое
наследие С.Л. Рубинштейна. М., 2011. С. 234–246.

Барабанищikov В.А. С.Л. Рубинштейн и Б.Ф. Ломов: преемственность
научных традиций // Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000.
С. 43–53.

Бердяев Н.А. Русская идея. Харьков:«Фолио», М.:«АСТ», 2002.

Братусь Б.С. Психология. Нравственность. Культура. М., 1994.

Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта М., 1994.

Воловикова М.И. Представление русских о нравственном идеале. М.,
2005.

Воловикова М.И. Нравственность в современной России // *Психологический журнал.* 2009. Т. 30. № 4. С. 95–97.

Выдающиеся психологи Москвы / Под ред. В.В. Рубцова, М.Г.
Ярошевского. М., ПИРАО, 1997. С. 321–333.б

Гостев А.А. Отношение современных россиян к некоторым аспектам
социальной и политической жизни страны // Историогенез и современное
состояние русского менталитета. Вып. 2 / Под ред. А.Л. Журавлева, В.А.
Кольцевой, Е.Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
С. 206–216.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1992.

Джидарьян И.А. Психология счастья и оптимизма. М., 2013.

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. (2017. Том1 № 2)

Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В15-и т. Т. 14. СПб., 1995.

Дробницкий О.Г. Понятие морали. М., 1974.

Ждан А.Н. С.Л. Рубинштейн в Московском Университете // Вестник МГУ. Сер. 14 «Психология», 1989. № 3. С. 3–12.

Журавлев А.Л. Психология коллективного субъекта. // Сергей Леонидович Рубинштейн. Философия России второй половины XX века / Отв. ред. серии В.А. Лекторский. М., 2010. С. 270–316.

Журавлева Н.А. Ценностные ориентации личности в современном российском обществе // Современная личность: Психологические исследования / Под ред. М.И. Володиной, Н.Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 200–229.

Журавлева Н.А. Гуманизация ценностных ориентаций молодежи как актуальная научная проблема в современном российском обществе // Духовно-нравственные потенциалы молодежного коллектива / Под ред. А.С. Чернышева. Курск. 2013. С. 22–31.

Знаков В.В. Кросс-культурные различия в понимании лжи // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 73–85.

Из дневников Сергея Леонидовича Рубинштейна // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 4. С. 18–23.

Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2 // Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Е.Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.

Кольцова В.А. Теоретико-методологические основы истории

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. (2017. Том1 № 2)
психологии. М., 2004.

Кольцова В.А. Историзм концепции С.Л. Рубинштейна и его влияние на разработку проблем современного историко-психологического знания // С.Л. Рубинштейн // *Философия России второй половины XX века / Отв. ред. серии В.А. Лекторский.* М., 2010. С. 183–205.

Кольцова В.А. Российский менталитет как предмет социально-психологического исследования (введение) // *Историогенез и современное состояние российского менталитета / Вып. 1. Под ред. В.А Кольцовой, Е. В., Харитоновой.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 5–15.

Кудрявцев В.Т. Принцип саморазвития субъекта деятельности // *Психологический журнал.* 1993. № 3. С. 34–45.

Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л. Развитие идеи С.Л. Рубинштейна о самоопределении субъекта в современной социальной психологии // *Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / Под ред, К. А. Абульхановой.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 216–233.

Леванова Е.А., Тарабакина Л.В. Воспитание глубины чувств в контексте принципа творческой самодеятельности С.Л. Рубинштейна // *Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна.* М., 2011. С. 271–278.

Лекторский В.А. Немецкая философия и русская мысль: С.Л. Рубинштейн и Г.Г. Шпет // *Философия и история философии. Актуальные проблемы.* М., 2004.

Леонтьев Д.А. Возвращение к человеку // *Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур.* М., 1997. С. 3–18.

Ломов Б.Ф. Личность в системе общественных отношений // *Психологический журнал.* 1981. Т. 2. № 1. С. 3–17.

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. (2017. Том1 № 2)

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

Лосев А.Ф. Дерзания духа. М., 1988.

Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991.

Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Няголова М.Д. У истоков философского гуманизма Сергея Леонидовича Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн: Философия России второй половины XX века / Отв. ред. серии В.А. Лекторский. М., 2010. С. 244–257.

Применение концепции С.Л. Рубинштейна в разработке вопросов общей психологии / Под ред. К.А. Абульхановой. М., 1989.

Психологическая наука в России XX столетия: теория и история / Отв. ред. А.В. Брушлинский. М., 1997.

Психология человека в современном мире. Т.1 «Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Личность как субъект жизненного пути: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15–16 октября, 2009» / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Барабанчиков, М.И., Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Российский менталитет: Вопросы психологической теории и практики. М, 1997.

Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. (2017. Том1 № 2)

Рубинштейн С.Л. Основы психологии: Пособие для высших учебных заведений. М., 1935.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1940.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / 2-е изд. М., 1946.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание М., 1957.

Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. Ч. II «Человек и мир». М.: Педагогика. 1973.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии /3-е изд. М., 1989.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.

Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы / Под ред. Б.Ф. Ломова. М., 1989.

Сергей Леонидович Рубинштейн // Философия России второй половины XX века / Отв. ред. серии В.А. Лекторский, ред. тома К.А. Абульханова. М., 2010.

Славская А.Н. Методологические особенности интеграции психологической науки в творчестве С.Л. Рубинштейна // Современная психология. Состояние и перспективы исследования. Ч.IV«Методологические проблемы историко-психологического исследования». М., 2002. С. 122–133.

Славская А.Н. Развитие философско-психологической концепции С.Л. Рубинштейна в Институте психологии РАН // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Ч. II / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М., 2012. С. 124–126.

Славская А.Н. Основы психологии С.Л. Рубинштейна: Философское обоснование развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Спиноза Б. Этика. М.-Л., 1936.

Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / Отв. ред. К.А. Абульханова. М., 2011.

Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. М., 1917.

Фромм Э. Душа человека. М., 1998.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

Этика Аристотеля. СПб., 1908.

Abulkhanova K.A. Lesujetdel'activiteoulathecriedel'activiteselonS.L. Rubinstein // Rubinsteinaujourd'hui. Nouvelles figures de l'activitehumineJoulouse /Eds. V. Nosulenko, P. Rabardel. Paris, 2007. P. 83–128.

Scheler M. MoralundErkenntis. 1902.

PHILOSOPHICAL SENSE OF THE PERSON

К.А. Abulkhanova*

**Academician RAE, professor, chief researcher of the Institute of psychology RAS, Moscow, Russia*

Abstract. Feelings are considered as belonging to the person, in connection with its relationship to the other person, life, society. Substantiates their role in mental life of man as controller of his behavior, activities, relationships. Reveals understanding of S.L. Rubinstein ideological feelings, descriptions.

Keywords: S.L. Rubinstein, motions, feelings, spiritual feelings, personality, conscience, belief, responsibilityrelationship to the other person, life, society